

УДК 572 (571.54)+39(5)

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.02

Феномен этнического самоопределения в современном обществе: социально-философский аспект (на примере бурятской интеллектуальной миграции в Западную Европу)

Э. В. Хилханова

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН

Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru, ORCID: 0000-0001-9369-343X

Д. Л. Хилханов

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук.

Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, Россия, 129226.

E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru, ORCID: 0000-0002-9382-7757

Аннотация. Статья обращена к двум актуальным темам современности — миграции и этнической идентичности — на примере бурятской интеллектуальной миграции в страны Западной Европы. Целью работы, построенной на материалах полевого исследования 2016 г. (двадцати двух интервью с бурятами-мигрантами), является анализ этнического самоопределения, способов манифестации и поддержания бурятской этничности в миграционном контексте. В результате исследования была выявлена актуализация этничности в инокультурной среде и определены стратегии и практики проявления и поддержания этнической идентичности, находящиеся на шкале некоего континуума, от индифферентности до активного и осознанного отношения к ней (этнического активизма). Наиболее распространенной стратегией является, однако, символическая этничность, актуальность которой обусловлена ее опорой на невербальные культурные маркеры. Доказано, что на символическом уровне этничность рассматривается большинством мигрантов как примордиальная, но на реальном уровне она имеет инструментальный и ситуативный характер. Исследование также показало ослабление групповых и усиление индивидуальных и космополитичных идентификационных стратегий среди бурят-мигрантов, особенно молодых. В целом авторами отмечается широкая вариативность стратегий и практик проявления и поддержания этнической идентичности в зависимости от ряда внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническое самоопределение, бурятская интеллектуальная миграция, буддизм, символическая этничность, культурная идентичность

Благодарность: авторы благодарят многих людей и организации, которые внесли свой вклад в это исследование. Во-первых, мы признательны Немецкой службе академических обменов (DAAD) за финансовую поддержку полевого исследования

по данному проекту. Во-вторых, мы хотим поблагодарить всех анонимных информантов, которые делились своими жизненными историями и искренне отвечали на наши вопросы. И, наконец, хотелось бы выразить свою благодарность профессору, д-ру Гюнтеру Шлее, сотрудникам и исследователям Института социальной антропологии им. М. Планка (Германия, г. Галле). Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования: Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Феномен этнического самоопределения в социально-философском аспекте (на примере бурятской интеллектуальной миграции в Западную Европу) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 20–36. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.02

UDC 572 (571.54)+39(5)

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.40.4.02

The Phenomenon of Ethnic Self-Determination: Socio-Philosophical Aspect (on the Example of Buryat Intellectual Migration to Western Europe)

Erzhen V. Khilkhanova

Dr. Sc. (Linguistics), Leading Research Associate, Associate Professor.

Institute of Linguistics of the RAS

1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru, ORCID: 0000-0001-9369-343X

Dorzhi L. Khilkhanov

Dr. Sc. (Sociology), Professor.

Moscow City University.

Vtoroj Sel'skokozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: khiklhanovdl@mgpu.ru, ORCID: 0000-0002-9382-7757

Abstract. The article addresses two topical issues of our time — migration and ethnic identity. The aim of the work is to analyze ethnic self-identification, ways of manifestation and maintenance of Buryat ethnicity in the migration context. The work is based on twenty-two interviews with well-educated and highly qualified Buryat migrants in Western Europe. As a result of the study, the actualization of ethnicity in a foreign cultural environment was revealed, although strategies and practices for the manifestation and maintenance of ethnic identity are on the scale of a continuum from indifference to an active and conscious attitude to it (“ethnic activism”). The study has found that the extreme poles of these positions are less common than the most widespread strategies of “symbolic ethnicity” and “cultural identity”. Although at the symbolic level ethnicity is considered by most migrants primordial, at the real level it has an instrumental and situational character, without affecting the daily practices of their life and becoming the subject of reflection. The study also showed the weakening of group identification strategies and strengthening of individual and cosmopolitan strategies among Buryat migrants, especially young ones. In general, the authors note

a wide variety of strategies and practices for the manifestation and maintenance of ethnic identity, depending on a number of factors such as family upbringing, peculiarities of migrants' socialization and inculturation, age, life plans, family status.

Keywords: ethnic identity, ethnic self-determination, Buryat intellectual migration, Buddhism, symbolic ethnicity, cultural identity

For citation: Khilkhanova E. V., & Khilkhanov D. L. (2021). The Phenomenon of Ethnic Self-determination in the Socio-philosophical Aspect (on the Example of Buryat Intellectual Migration to Western Europe). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (40), 20–36. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.40.4.02>

Введение

С момента начала этнического возрождения наше понимание такого фундаментального понятия, как «этническая идентичность», терпело значительное изменение. Литература по этой теме бесчисленна и постоянно пополняется. То же самое можно сказать и о миграционных исследованиях, количество которых в последнее время резко увеличилось из-за интенсификации перемещения людей через границы со второй половины XX века. Исследования миграции из стран бывшего Советского Союза занимают здесь особое место из-за беспрецедентного размера русскоговорящей эмиграции (в рамках статьи невозможно перечислить все исследования на эту тему, поэтому назовем только некоторые из них: Попков, 2016; Бакаева, 2019; Гучинова, 2004; *Русский мир...*, 2018; Isurin, 2011).

Постановка проблемы

В большинстве исследований по миграции из бывшего СССР, особенно из России, полиэтничная и мультикультурная масса мигрантов традиционно воспринимается под лейблом «русские». В данной статье предлагается посмотреть на российскую миграцию более диверсифицированно, сквозь призму этничности, и сделать это на примере представителей одной этнической группы — бурят — и их миграции в страны Западной Европы. Нашей целью является анализ этнического самоопределения, способов манифестации и поддержания этничности представителей данной группы в миграционном контексте.

Здесь необходимо кратко оговорить ключевые термины: «этничность», «этническая идентичность», «этническое самоопределение», — которые в научной литературе часто используются синонимично. Этничность и этническая идентичность — по сути один и тот же феномен, но нюансы в их интерпретации все же есть. Независимо от того, рассматривать ли этничность как социальный конструкт или примордиальное явление, она не является просто гипотетической. Как утверждает В. Зелински, этническая категоризация

является неотъемлемой частью социальной реальности как нечто «глубоко укорененное в сознании индивидов и групп», с одной стороны, и «прочно закрепленное в институциональной жизни нашего общества» — с другой (Zelinsky, 2001, p. 3). В понятии же этнической идентичности акцент делается на первом — на «глубокой укорененности в сознании индивидов и групп», т. е. здесь речь идет о личностном «присвоении» этничности, о процессе вхождения ее в структуру идентичности и (само)приписывании этничности определенного места в этой структуре (см. об этом также в (Жаде, 2006, с. 69)). Другой важный акцент в понятии этнической идентичности — это то, что она является одной из многих ипостасей (гражданской, гендерной и т. д.) более широкой идентичности индивида. В понятии этнического самоопределения этого значения множественности идентичностей нет — само это словосочетание предполагает процесс становления представлений индивида о себе в мире только по «этнической линии», но когнитивно-деятельностный аспект в понятии этнического самоопределения выражен сильнее, чем в понятии этнической идентичности, хотя почти все исследователи, говоря о последней, считают нужным подчеркнуть ее динамический характер. В нашей статье используются все три термина в вышеприведенных значениях.

Отметим, что тема бурятской миграции изучена неравномерно: в отличие от миграции на Запад, движение бурят на Восток, в первую очередь в Монголию и Китай, где ныне живут значительные по размеру бурятские диаспоры, многократно становилось объектом внимания ученых (см., например: (Балдано и Дятлов, 2017; Namsaraeva, 2012; Нацагдорж, 2013)). Мы полагаем, что бурятские мигранты являются интересным объектом исследований в предлагаемом ракурсе из-за их изначальной этнической и культурной принадлежности к центральноазиатской цивилизации, и конкретно к монгольскому миру — удобной научной метафоре, используемой для описания исторически сложившегося общего историко-культурного пространства, включающего в себя как огромные территории исконного расселения монгольских народов, так и более широкое географическое пространство, вовлеченное в орбиту современных миграций, ранее локализованных в границах Центральной и Восточной Азии (*Трансграничные миграции...*, 2015, с. 4). «Бурятский кейс», однако, более сложен, чем миграция из центра современного монгольского мира — Монголии — ввиду того, что буряты на протяжении более 350 лет существуют в двойственном историческом контексте, являясь, с одной стороны, частью монгольского мира, с другой — частью России, ощущая себя, соответственно, частью и общемонгольской, и российской истории.

Методология исследования

Основным инструментом сбора данных был метод интервью, основанного на стандартизированной анкете. Всего во время полевого исследования в 2016 г. было записано 22 интервью с бурятами-мигрантами, проживающими

в странах Западной Европы (преимущественно в Германии и Франции) не менее трех лет. Информанты представляли четыре возрастные группы (рис. 1).

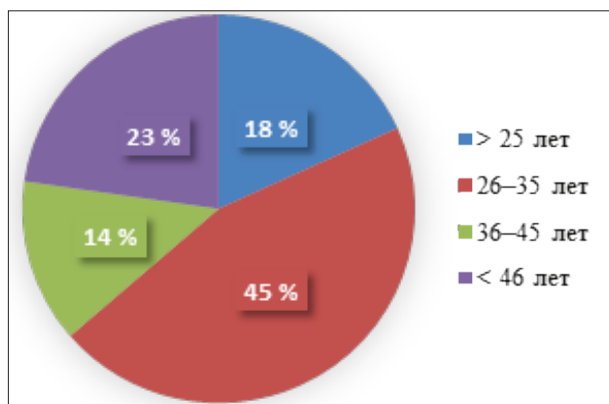

Рис. 1. Возрастная характеристика информантов

Наиболее важной характеристикой объекта исследования является высокий уровень образования бурятских мигрантов. К моменту эмиграции почти все участники полевого исследования имели высшее образование (20 человек), один имел среднее профессиональное образование и одна участница была школьного возраста (на момент интервью этой участнице было 24 года).

Это значит, что исследуемая группа представляет собой определенный сегмент в общем эмиграционном потоке, а именно интеллектуальную миграцию (подробнее об этом см. в: *Интеллектуальная миграция...*, 2014)), в широкой трактовке включающую в себя всех лиц, получивших профессиональную квалификацию и находящихся за рубежом более одного года (2014, с. 21).

Соответственно, характеристики и поведенческие стратегии, используемые бурятскими мигрантами, обусловлены принадлежностью именно к такой категории мигрантов и, скорее всего, являются репрезентативными только для нее и не могут быть экстраполированы на другие группы, например на неквалифицированных мигрантов или нелегальную трудовую миграцию. Образовательный уровень находит отражение в сферах деятельности и статусах информантов (см. рис. 2). Отметим, что почти все информанты работали или учились, кроме трех (14 %), которые были домохозяйками на тот момент. Из рисунка 2 видно, что большинство опрошенных работает в сфере образования и науки (32 %) или учится (23 %), преимущественно в магистратуре.

Отметим, что полуструктурированное интервью предполагает определенную гибкость при его проведении. Вопросы могут варьироваться в зависимости от хода протекания разговора при сохранении общей канвы интервью, определяемой целью исследования. Такая техника позволяет сделать процесс интервью ближе к свободно протекающему разговору, а не к устному опросу и способствует созданию непринужденной обстановки, что важно для получения искренних и продуманных ответов. Ведь, будучи в поле, исследователь

Рис. 2. Профессиональная характеристика / статус информантов

не может предугадать реакций информантов или знать заранее, какой именно вопрос послужит триггером для получения наиболее интересных и информативных ответов.

В целом, как уже упоминалось, миграция бурят в Европу редко привлекала внимание исследователей. Среди них можно назвать проект по бурятским иммигрантам в европейских странах под руководством австрийского антрополога и этнолога С. Криста (Венский университет), результаты которого должны быть опубликованы в 2021 г. Также можно назвать следующие публикации о бурятских мигрантах в Европе: (Башкуев и Нанзатов, 2017; Нанзатов, 2017; Хилханова и Хилханов, 2020 и др.).

Результаты исследования

Несмотря на общепринятое определение «русские», результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что буряты, как и другие нерусские этнические группы, воспринимают себя как единое целое с другими русскоязычными благодаря общему советскому языковому, культурному и историческому прошлому и в то же время как самостоятельные группы, в силу своего этнического происхождения, в рамках постсоветского сообщества в Западной Европе и других странах. Этническая идентичность актуализируется и становится более выраженной в инокультурной среде, о чем свидетельствует следующая выдержка из интервью:

В 2000 г., когда я в первый раз была в Германии, я начала задумываться. До того я сильно не задумывалась об этом. Это все произошло под влиянием извне, под влиянием этих вопросов постоянных: а что это такое, где это находится, а что это за народ? Очень сильный интерес. Я до сих пор... у меня такое ощущение, что а-а, если я здесь что-либо значу в научном плане, то именно я... каким-то образом... все мое пребывание здесь подтолкнуло меня к тому, чтобы найти ответы на эти вопросы: кто я, что это значит — быть выходцем из Бурятии здесь, в Европе. (Марта, 36 лет, Германия). (В соответствии с правилами этики научного исследования в целях сохранения персональных данных участников интервью имена информантов изменены, названия городов не приводятся.)

Сильным стимулом для актуализации этничности в сознании информантов и рефлексии на тему своей этнической самоидентификации является несоответствие бурят антропологическому стереотипу жителя России:

Чаще спрашивают: откуда ты, я говорю: из России, потом говорят: как так, ты же не похожа на россиянку, не выглядишь как русская. Начинаешь объяснять, что есть Республика Бурятия в Восточной Сибири, там живут люди, похожие на монголов. <...> Они понимают, кто такие монголы. (Аяна, 28 лет, Германия).

Такое восприятие извне говорит, в частности, о том, что любая внешняя атрибуция — результат стереотипизации, ограниченности и инертности массового обыденного сознания. В обыденном сознании слабо отражаются изменения на политической карте мира, миграционные и глобализационные процессы. Оно оперирует застывшими, почти что архетипичными образами, в которых этническая картина мира, особенно в менее известных для средне-статистического обывателя регионах, зафиксирована в упрощенном виде (условно говоря, в Китае живут китайцы, в Казахстане — казахи, в России — русские, и т. д.). При этом сегодня, как известно, абсолютно моноэтнических стран в мире практически нет.

Согласно сообщениям информантов, жизнь за рубежом, независимо от количества лет, ничего не меняет в этнической самоидентификации, хотя степень интеграции в общество принимающей страны увеличивается. Несмотря на доминирование конструктивистского подхода к этничности в научном дискурсе, обычные люди интерпретируют ее в примордиалистском русле, т. е. все опрошенные определяли свою национальность так, как она была дана им с рождения, например: «Я чувствую себя бурятом, потому что родился в бурятской семье». «Я всегда чувствовала себя буряткой, потому что мои родители буряты, я выросла в бурятской деревне, и я говорю по-бурятски». Это согласуется с данными исследований, согласно которым в целом обыденным сознанием россиян отторгается мысль о том, что этничность является приписываемым качеством (Стефаненко, 1999, с. 375–376).

Однако нам следует заглянуть за фасад самопровозглашенной этнической принадлежности. Сделав это, мы находим широкий спектр более тонких

стратегий обращения людей со своей этнической идентичностью. В целом эти стратегии находятся на шкале некоего континуума, на одном конце которого расположены позиции если не индифферентности, то, по крайней мере, нерелевантности этнической идентичности, на другом — активное и осознанное отношение к ней. Во втором случае мы обозначили таких мигрантов как этнических активистов — людей, для которых этническая идентичность и культура не только высоко релевантны, но и являются предметом гордости, уникальным и ценным объектом, который по возможности нужно передавать детям и молодежи и знакомить с ней других людей.

Крайние полюса этих позиций встречаются, однако, реже, чем наиболее распространенные стратегии символической этничности и культурной идентичности. Мы нашли множество доказательств символической этничности — понятия, введенного Г. Гансом (Gans, 1979) и примененного ко многим группам иммигрантов. Символическая этничность предполагает, что этничность может выжить без значительного социального или культурного участия. Более того, символическая этничность предполагает отказ или отход от активной этничности: от участия в этнических группах и в этнической культуре. Она предполагает пассивную этническую принадлежность, включающую временное и периодическое выражение чувств по отношению к этнической группе или культуре через материальные и нематериальные символы. Символическая этничность может быть даже досуговой деятельностью, не мешающей экономическим, социальным и другим императивам повседневной жизни. Фактически она, вероятно, должна осуществляться во время досуга людей, если они не работают в своей этнической общине (Gans, 2009, с. 123).

Действительно, несмотря на определенность в своей этнической идентификации, лишь немногие из участников сообщили об актуальности или проявлениях своей этнической принадлежности. Как отвечала одна из информантов на вопрос, считает ли она себя буряткой: «Да, а как еще? Просто я часто забываю об этом» (Дугарма, 48 лет, Германия).

Символическая этничность довольствуется одним-двумя диакритиками, маркирующими этническую принадлежность индивида. Как правило, этнический язык редко является таким диакритиком, особенно в случае невладения бурятским языком. Для многих российских меньшинств, как в эмиграции, так и в родной стране, более актуальным стало понятие культурной идентичности без ее языкового компонента. Поддерживать культурную идентичность легче, поскольку культура может существовать как в вербальном, так и в невербальном измерении. Последнее очень облегчает возможность культурных практик для тех, кто не знает языка своего этноса. Тогда диакритиками становятся артефакты материальной культуры (одежда, украшения, еда и т. д.), религия, народные и религиозные праздники, духовные ценности (уважение к старшим и т. д.), соблюдение ритуалов и традиций, например:

Конечно, что-то сохраняется. Обычаи, традиции, например. Ну праздники наши — Сагаалган. Э-э в дацан я не хожу, но когда домой приезжаю —

обязательно в дацан ездим. <...> буузы мы делаем частенько. (Нора, 30 лет, Германия).

В культурной антропологии принято считать, что пища — наиболее устойчивый элемент материальной культуры, особенно праздничная пища — символ этнической культуры. Именно пища сохраняется лучше всего в мигрантской группе, тогда как многие другие культурные черты редуцируются (Гучинова, 2004). Действительно, буузы — традиционное бурятское праздничное блюдо безусловно лидирует среди всех прочих маркеров причастности к бурятской культуре.

Из нематериальной культуры самым частотным и распространенным маркером этнической идентичности у бурятских мигрантов является буддийская религия. При этом для многих высокообразованных бурятских мигрантов эта приверженность буддийской вере может быть описана как интерес к буддизму «сверху», т. е. интерес к его теоретической, философской, мировоззренческой стороне, что более свойственно для западных последователей буддизма.

Наверное, какая-то религиозная вещь все-таки определяет в какой-то степени мою бурятскость. Ну потому что когда все-таки востоковед, когда что-то читаешь про буддизм... я помню что в университете это изучали, да... и одно время меня это о-очень интересовало, когда мне было лет 20 наверное, я там перечитала кучу всяких книжек по буддизму: «Ламаизм в Бурятии»... некоторые запрещенные вещи тогда доставали в Питере, да, и я поняла, как это функционирует. И тогда мне казалось, что я однако тоже религиозная-религиозная, да. Я прямо такая будданутая и все такое, да. <...> Она была такая... интеллектуальная. (Дугарма, 48, Германия).

То же самое, однако, можно сказать и про бурят в России, в Бурятии: ученые говорили о значении буддизма (иногда и шаманизма тоже) в качестве «не только элемента, но и главного механизма» процесса «бурятского национального возрождения» (Амоголонова, 2008, с. 143); буддизм выступает «как этноинтегрирующая характеристика и даже как символ этнической принадлежности вне зависимости от глубины веры и знакомства с религиозной мифологией и догматикой» (2008, с. 148). В Бурятии тоже отмечается высокий процент лиц молодого и среднего возраста с высшим образованием (36,2 % и 41 % соответственно) среди тех, кто считает себя последователями буддизма (Бильтрикова, 2001, с. 74). Соответственно, можно сказать, что приверженность буддизму как маркер бурятскости общий для бурят как внутри родной страны, так и за ее пределами.

Не всегда этот духовный интерес к буддизму и ассоциация себя с ним в миграционной среде представляет собой глубокий внутренний религиозный опыт и составляет существенную и практикуемую часть их идентичности, хотя такие примеры тоже есть:

Интервьюер: Почему бурятка, если задуматься об этом? Почему ты себя таковой считаешь?

Раджана: *Потому что я буряткой родилась и еще бурятским до сих пор владею. Я буддистка. Я не просто буддистка, да, чисто как... многие же чисто потому что в буддийской среде родились, это автоматически стали буддистами. В этом плане моя мама была очень верующая, у нас бурханы (Буддийские божества) есть, и поэтому в этом плане у нас через маму, да у нас с буддизмом... более такие... осознанные отношения. <...> И там среди бурханов есть такие бурханы, которые <...> я всегда знала, что они старинные. <...> Получается, что чисто... именно буддийская сторона... осталась. Я даже уже мужу сказала давно, он уже знает... мы же никогда не знаем... если вдруг, допустим, меня не будет, то он должен поехать... здесь в Германии есть, есть в Женеве этот... бурятский... <...> Он знает, куда отвезти моих бурханов. Поскольку бурханы просто так нельзя держать, если ты не <...> ухаживаешь за ними. (Раджана, 48 лет, Германия).*

Однако в большинстве своем (на что косвенно ссылается и Раджана в вышеприведенном фрагменте) буддизм слабо интегрирован в повседневную жизнь мигрантов, поскольку большинство мигрантов не соблюдает буддийские ритуалы и не посещает буддийские храмы (дацаны) в силу ряда как объективных, так и субъективных причин: ввиду их отсутствия или дальности расположения, нехватки времени или большого желания делать это. Таким образом, буддийская религия является диакритиком хоть и для значительной части, но не для всех бурятских мигрантов:

Интервьюер: *Иногда в другой стране к религии у человека пробуждается там большой интерес. Такого нету, да?*

Милена: *Наверное, нет. Я бы, наверное, может быть, я проявила бы к буддизму, да, вот ходила бы в дацаны большие, но тут нет такой возможности или, по крайней мере, я ленюсь поискать, но вообще особо нет, особо нет. (Милена, 26 лет, Германия).*

Тоска по родине, желание прикоснуться к чему-то родному и знакомому с детства ведет бурятских мигрантов к поиску своих земляков. Это типичная стратегия для мигрантов; как пишет Т. Г. Стефаненко, «в условиях острой социальной нестабильности этнос часто выступает в качестве аварийной группы поддержки» (Стефаненко, 1999, с. 35).

Когда тебя вытаскивают из твоей зоны комфорта, ты все равно должен за что-то зацепиться, понимаешь? Когда ты пришел в новую среду... э-э... получается, ты должен интегрироваться в новое общество, с новым менталитетом, всего-всего, должен полностью меняться. У тебя автоматически происходит захват за твою идентичность вот именно этническую. Понимаешь, я только здесь научилась делать позы. Вот именно на наших бурятских сборищах, в общении с бурятами. Мы буряты-буряты... это как бы ты нашел семью, потому что здесь семьи у тебя нету. Получается, твои этнические соотечественники становятся твоей семьей в какой-то степени. (Олеся, 41 год, Франция).

Таким образом, общение с земляками, включая участие в бурятских праздниках, таких как главный для бурятской культуры праздник Сагаалган (Новый год по лунному календарю), становится распространенной практикой поддержания своей этнической идентичности. Здесь, однако, также существует широкий спектр вариаций, на одном полюсе которого опять же находятся этнические активисты — лидеры, организаторы этнических мероприятий, на другом — люди, индифферентные ко всему этому. Это хорошо видно в религиозных практиках, связанных с Сагаалганом. Некоторые отмечают этот праздник сами по себе, не ощущая какой-либо потребности разделить это событие с земляками, некоторые ежегодно участвуют в совместном праздновании Сагаалгана, некоторые делают это очень редко. У большей части опрошенных отсутствует потребность участвовать в этнических мероприятиях и в целом поддерживать контакты с земляками.

Интервьюер: *потребность общаться с земляками у тебя как?*

Кира: *Как бы вот... да, я знаю, некоторые очень любят. Некоторые буряты переезжают в Москву и очень любят бурятские землячества, встречаться с бурятами и так далее. У меня никогда не было такого. Я не против бурят, у меня очень много друзей бурят и здесь, и в Москве, но это никогда не было так, что мы держимся только бурятами и так далее, что я наблюдаю у многих моих сверстников, которые вместе поступили тоже в московские вузы. (Кира, 28 лет, Великобритания).*

В целом заметно, что возраст является значимой переменной в отношении к этнической идентичности и в этнических практиках: молодые мигранты более космополитичны и мало заботятся о своей и чужой этнической идентичности. Влияние глобализации проявляется в выравнивании образа жизни и интересов молодежи во всем мире. Для многих из них, по крайней мере для молодых людей, которые составляли большую часть нашей выборки (18 % информантов были в возрасте 25 лет и моложе, а 45 % — от 26 до 35 лет), общими являются открытость и интерес к другим культурам, толерантность и желание увидеть мир. Западные ценности и нормы общественной жизни, включая главенство закона, демократию, свободу слова, отсутствие дискриминации и патриархальных взаимоотношений, становятся все более привлекательными, в первую очередь для молодого поколения. Для молодых бурят-мигрантов характерно причисление себя к широким наднациональным общностям — европейцам, гражданам мира, т. е. дрейф в сторону космополитической идентичности. Например, на вопрос «Кто я?» 25-летней мигранткой дается ответ: «В голове одна мысль: я человек мира. Человек-космополит» (Сара, 25 лет, Нидерланды).

Отдельно следует остановиться на этнических активистах, о которых упоминалось выше. Это люди, которые собирают земляков, организуют этнокультурные мероприятия и презентуют культуру своего этноса на самых разных уровнях — от школьных мероприятий до этнокультурных праздников со всеевропейским охватом участников:

Вот я всегда гордилась, что я бурятка. Начиная еще с <...> университета <...> я, бурятка, всегда была в первых рядах. <...>. Поэтому, когда говорят о своей культуре, я всегда горжусь. <...> И вот... дети со скольких лет... с 5–6 лет я заказывала одежду, буряад дэгэл, гутал детям маленьким. Потом каждый год, они же росли... ну нас там на телевидении, помню, снимали, что вот мы э-э дети одевают бурятскую одежду, а в Бурятии не одевают. И мама говорит: энэ ямар юумэн болоо гээшэб, жэл болоо ерээдлэ буряад дэгэл хэрэгтэй. (Перевод: это что же такое, каждый год по приезду нужна бурятская одежда!) И там ходить нужно было заказывать, чтобы... а-а в этом объединении мы прямо как показатели были, потому что показывали монгольскую культуру. <...> Я и говорю: поэтому я чувствую себя буряткой среди всех этих больших народов здесь. В кавычках. Потому что всегда спрашивали, поэтому какая-то задача была — быть буряткой и показать, что мы можем, что у нас есть. (Дэнсэма, 56 лет, Германия).

В действиях этой категории бурятских мигрантов особенно заметно то, что этнопсихологами называется позитивной этнической идентичностью, когда позитивные этнические чувства и установки включают в себя удовлетворенность человека своим членством в этнической общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения своего народа (Платонов, 2003, с. 210).

Это не значит, что позитивная этническая идентичность несвойственна другим мигрантам. Отличие этнических активистов заключается именно в их ангажированной, деятельностной позиции, обусловленной тем, что это люди, которые родились и выросли в таких семьях, где этническая культура пронизывала все бытие семьи и ее окружения и существовала в максимально возможном количестве элементов: в виде активно практикуемой религии, знания этнического языка, приобщенности к художественной литературе, песенной традиции и т. п. Самое главное при этом не количество элементов (некоторых может и не быть), а глубокое осознание своей этнической идентичности, восприятие себя как носителя бурятской культуры, гордость за нее и вытекающее из всего этого ощущение некоей культуртрегерской миссии.

Заключение

Нами было выявлено, что стратегии и практики проявления и поддержания этнической идентичности среди такой многочисленной и географически разбросанной группы, как бурятские мигранты, находятся на шкале некоего континуума, от индифферентности до активного и осознанного отношения к ней. Однако независимо от наличия или отсутствия манифестации и поддержания своей этнической идентичности общим для бурят-мигрантов является примордиальное восприятие своей этничности как данной с рождения и потому неизменной. При этом наиболее распространенной стратегией является символическая этничность, проявляемая через ограниченный набор

культурных маркеров, включая традиционную пищу, религию, обычаи и традиции. Определенное противоречие между заявляемой всеми информантами приверженностью к своей этничности и ее декларативным, символическим характером для большинства опрошенных может быть разрешено тем, что мы должны различать между символическим и реальным уровнями этнической идентичности. На символическом уровне этничность рассматривается большинством мигрантов как примордиальная, но на реальном уровне она имеет инструментальный и ситуативный характер, не затрагивая повседневной практики жизни человека, не проблематизируясь и не становясь предметом рефлексии.

Превалирование символической этничности среди бурятских мигрантов можно трактовать по-разному. Это можно рассматривать как свидетельство того, что в целом этничность становится все менее релевантной в современном мире, по крайней мере в миграционной ситуации. Такая точка зрения отражена в названии одной из книг о постсоветской миграции: «Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии». Как пишет ее автор, «в ситуации транснациональных сообществ, этничность вообще потеряла роль маркера для обозначения культурных практик групп» (Попков, 2016, с. 429). Этническая идентичность воспринимается как неизменная, но если она нерелевантна в структуре личностных идентичностей, то даже стимулированная извне актуализация этничности не может пойти дальше ощущения номинальной причастности к бурятскому этносу. Символически способствует немногочисленность и разрозненность бурятской миграции, что ведет к ослаблению групповых идентификационных стратегий и к усилению индивидуальных. У некоторых мигрантов, особенно молодых, этническая идентичность замещается космополитичной, что проявляется «в предпочтении личностной идентичности перед этнической и социальной в целом, в осознании себя как уникального индивида, а не как члена группы» (Стефаненко, 1999, с. 387).

Обнаруженные в ходе исследования реальные практики манифестации и поддержания этничности европейскими бурятами-мигрантами принадлежат наиболее активным (не только в этом плане) людям, которые являются не просто участниками, а лидерами и организаторами бурятских землячеств и этнокультурных мероприятий. Такая активная позиция — следствие многих факторов, при этом время пребывания в другой стране или возраст не играют определяющей роли. Основными факторами являются индивидуальные особенности личности человека, сформированные семейным воспитанием, особенностями социализации и инкультурации личности. Широкий разброс стратегий и практик проявления и поддержания этнической идентичности позволяет говорить о том, что, действительно, «в строгом смысле слова идентичность может быть атрибутирована только индивидами, поскольку только индивиды обладают качеством субъектности и, соответственно, способны относить или не относить к себе определенные значения» (*Новая философская энциклопедия...*, 2010).

Литература

1. Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. 292 с.
2. Бакаева Э. П. Расширяющееся культурное пространство: пример калмыцкой диаспоры (буддизм и идентичность, миграции и современные технологии) // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/869> (дата обращения: 21.11.2020). DOI: 10.25178/nit.2019.3.10
3. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Буряты Китая и Монголии в дискурсе «национального возрождения»: различные роли и меняющиеся функции // Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия: кол. монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 234–266.
4. Башкуев В. Ю., Нанзатов Б. З. Монгольские диаспоры в Европе и Северной Америке: адаптация, институционализация, репрезентация // Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия: кол. монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 52–127.
5. Бильтрикова А. В. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 89 с.
6. Гучинова Э. Улица Kalmuck road. История, культура и идентичности калмыцкой общины США. СПб.: Алетей, 2004. 328 с.
7. Жаде З. А. «Этничность» и «этническая идентичность»: концептуальный анализ понятий // Общество и право. 2006. № 3 (13). С. 66–72.
8. Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / под ред. М. М. Лебедевой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. мировых политических процессов. М.: МГИМО-Университет, 2014. 235 с.
9. Нанзатов Б. З. Бурятские и калмыцкие диаспоры в странах Евросоюза: особенности формирования и жизнедеятельности диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 88–100.
10. Нацагдорж Б. Причины миграции бурят в Монголию: на примере ацинских цонгол-бурят // Вестник Бурятского гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2013. № 1. С. 61–76.
11. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; председатель науч.-ред. совета: В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2000–2001.
12. Платонов Ю. А. Основы этнической психологии: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003. 452 с.
13. Попков В. Д. Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 2016. 484 с.
14. Русский мир в меняющемся мире / отв. ред. и сост.: Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018. 402 с.
15. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН; Академический Проект, 1999. 320 с.
16. Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 161 с.

17. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31–38. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38
18. Gans H. J. Reflections on symbolic ethnicity. A response to Y. Anagnostou // *Ethnicities*. 2009. Issue 9 (1). P. 123–130.
19. Gans H. J. Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. № 2. P. 1–21.
20. Isurin L. *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2011. 249 p.
21. Namsaraeva S. Ritual, Memory and the Buriad Diaspora Notion of Home // *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border* / eds. Billé, Franck, Delaplace, Grégory and Humphrey, Caroline. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2012. P. 137–163. DOI: 10.11647/OBP.0026
22. Zelinsky W. *The Enigma of Ethnicity: Another American Dilemma*. Iowa City: University of Iowa Press, 2001. 336 p.

References

1. Amogolonova, D. D. (2008). *Sovremennaiia buriatskaia etnosfera. Diskursy, paradigm, sotsiokul`turnye praktiki* [The modern Buryat ethnosphere. Diskourses, paradigms, sociocultural practices]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. [in Russian].
2. Bakaeva, E. P. (2019). *Rasshiriaiuushcheesia kul`turnoe prostranstvo: primer kalmytskoi diaspori (buddizm i identichnost`, migratsii i sovremennye tekhnologii)* [Expanding cultural space: an example of the Kalmyk diaspora (Buddhism and identity, migration and modern technologies)]. *New studies of Tuva*, 3. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/869> (2020, November, 21). [in Russian]. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.10>
3. Baldano, M. N., & Dyatlov, V. I. (2017). Buriaty Kitaia i Mongolii v diskurse «natsional`nogo vozrozhdeniia»: razlichnye roli i meniaiushchiesia funktsii [Buryats of China and Mongolia in the discourse of «national revival»: different roles and changing functions]. In *Migratsii i diaspori v mongol`skom mire: strategii i praktiki transkul`turnogo vzaimodeistviia* [Migrations and Diasporas in the Mongolian world: strategies and practices of transcultural interaction]: Collective monograph (pp. 234–266). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].
4. Bashkuev, V. Yu., & Nanzatov, B. Z. (2017). Mongol`skie diaspori v Evrope i Severnoi Amerike: adaptatsiia, institutsializatsiia, reprezentatsiia [Mongolian Diasporas in Europe and North America: adaptation, institutionalization, representation]. In *Migratsii i diaspori v mongol`skom mire: strategii i praktiki transkul`turnogo vzaimodeistviia* [Migrations and Diasporas in the Mongolian world: strategies and practices of transcultural interaction]: Collective monograph (pp. 52–127). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].
5. Bil`trikova, A. V. (2001). *Buriatskaia natsional`naia intelligentsiia na sovremennom etape* [The Buryat national intelligentsia at the modern stage]. Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].

6. Gans, H. J. (2009). Reflections on symbolic ethnicity. A response to Y. Anagnostou. *Ethnicities*, 9 (1), 123–130.
7. Gans, H. J. (1979). Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America. *Ethnic and Racial Studies*, (2), 1–20. <https://doi.org/10.1080/01419870.1979.9993248>
8. Guchinova, E. (2004). *Ulitsa Kalmuck road. Istoriia, kul'tura i identichnosti kalmytskoi obshchiny SShA* [Street Kalmyk road. History, culture and identities of the Kalmyk community of the USA]. SPb.: Aletheia. [in Russian].
9. Lebedeva M. M. (Ed.) (2014). *Intellektual'naia migratsiia v sovremennom mire* [Intellectual migration in the modern world]: Study guide (Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Department of World Political Processes). Moscow: MGIMO-University. [in Russian].
10. Isurin, L. (2011). *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
11. Khilkhanova, E. V., & Khilkhanov, D. L. (2020). *Etnokul'turnaia identichnost' migrantov iz vostochnykh regionov byvshego SSSR v svete teorii «stolknoveniia kul'tur»* [Ethnocultural Identity of Migrants from the Eastern Regions of the former USSR in the Light of «Clash of Cultures» Theory]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 31–38. [in Russian]. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38>
12. Namsaraeva, S. (2012). Ritual, Memory and the Buriat Diaspora Notion of Home. In Billé, Franck, Delaplace, Grégory and Humphrey, Caroline (Eds.). *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge, UK: Open Book Publishers. <https://doi.org/10.11647/OBP.0026>
13. Nanzatov, B. Z. (2017). Buriatskie i kalmytskie diaspori v stranakh Evrosoiuzha: osobennosti formirovaniia i zhiznedeiatel'nosti diaspor [Buryat and Kalmyk diasporas in the countries of the European Union: features of formation and diasporic life]. In *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriia i sovremennost'* [Cross-border migrations in the space of the Mongolian world: history and modernity]: Collection of scientific articles (Issue 4, pp. 88–100). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].
14. Natsagdorz, B. (2013). Prichiny migratsii buriat v Mongoliiu: na primere atsin'skikh tsongol-buriat [The reasons for the migration of Buryats to Mongolia: on the example of the Atsin Tsongol-Buryats]. *Bulletin of the Buryat State University, Humanitarian Studies of Inner Asia*, 1, 61–76. [in Russian].
15. *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [The new philosophical encyclopedia] (2000–2001). (in 4 volumes; Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; National Socio-Scientific Foundation; Chairman of the Scientific-Ed. Council: V. S. Stepin; 2nd ed., ispr. and add.). Moscow: Mysl. [in Russian].
16. Platonov, Yu. A. (2003). *Osnovy etnicheskoj psikhologii* [Fundamentals of ethnic psychology]. St. Petersburg: Rech'. [in Russian].
17. Popkov, V. D. (2016). *Pokidaia predely etnichnosti. Postsovetskaia emigratsiia v Germanii* [Leaving the boundaries of ethnicity. Post-Soviet emigration in Germany]. Frankfurt-am-Main: Posev. [in Russian].

18. Komarova G. A. (Responsible ed. and compiler) (2018). *Russkii mir v meniaiushchemsia mire* [*Russian world in the changing world*]. Moscow: IEA RAS. [in Russian].
19. Stefanenko, T. G. (1999). *Etnopsikhologiya* [*Ethnopsychology*]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Academic Project. [in Russian].
20. *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriia i sovremennost'* [*Cross-border migrations in the space of the Mongolian world: history and modernity*]: collection of scientific articles (Issue 3) (2015). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. [in Russian].
21. Zelinsky, W. (2001). *The Enigma of Ethnicity: Another American Dilemma*. Iowa City: University of Iowa Press.
22. Zhade, Z. A. (2006). «Etnichnost'» i «etnicheskaia identichnost'»: kontseptual'nyi analiz poniatii [«Ethnicity» and «ethnic identity»: a conceptual analysis of notions]. *Society and Law*, 3 (13), 66–72. [in Russian].